

*Константин ЗАЧЕСОВ,
Абдулла МАГОМЕДОВ*

Магия понятий и социальная реальность

Эту статью вызвала к жизни публикация в «ОНС» (1990, № 1) статьи И. Дискина «Возможен ли сегодня социализм в СССР?». Мы не собираемся вступать в дискуссию с автором о содержательных аспектах его концепции по одной простой причине: автор прав. Во всех своих основных логико-теоретических выкладках.

Однако вопрос, вынесенный им в заголовок статьи, по существу, так и остался в ее рамках неразрешенным. Автор предпочел уклониться от однозначного ответа, ограничиваясь общей констатацией того, что ожидающая нас экономическая поливариантность создаст условия, при которых «можно надеяться на то, что энергичными усилиями значительной части общества в обозримой перспективе станет возможным сформировать социальные институты, реализующие в рамках крупного общественного уклада их социалистические идеалы»¹.

И. Дискина можно понять: политически наэлектризованное, экзальтированное общественное сознание в нашей стране, расколотое сегодня на ряд антагонистических ценностно-мировоззренческих ориентации, в том числе и по проблеме «социализм—антикоммунизм», весьма болезненно реагирует на любые теоретические экскурсы в эту проблему, тем более на попытки ее сколько-нибудь однозначного решения. Однако нельзя не признать: настала пора всерьез разобраться с научной интерпретацией понятия «социализм», ибо социальные реалии, как это уже совершенно очевидно, не подтвердили в должной мере его хрестоматийный смысл. И до тех пор пока мы не определимся с объективным научно-теоретическим содержанием, все наши споры о том, есть ли у нас «социализм» или нет, был он у нас вообще или не был, возможен он или не возможен, нужен или не нужен — будут носить схоластический характер.

Мы попытаемся здесь предложить свой вариант решения этой проблемы.

¹ «Общественные наука и современность», 1991, № 1, с. 25.

*Зачесов К. Я. — профессор Дагестанского педагогического института, заведующий кафедрой философии и социологии.
Магомедов А. А.-доцент, первый проректор Дагестанского педагогического института (Махачкала).*

Вокруг чего ломаются копья?

Дискин совершенно справедливо указывает на то, что теория социализма возникла в истории как весьма разнородное течение с различными социальными приоритетами. Верно и то, что доминирующими среди них стали, с одной стороны, уравнительно-коллективистские, а с другой — личностно-индивидуальше.

Однако историческая практика сложилась таким образом, что господствующие позиции в теории, идеологии и политике заняло только первое направление. Афоризм «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех» либо был предан полному забвению, либо фигурировал как умопостигаемый идеал «светлого будущего», либо, наконец, сакраментально трактовался как уже существующая реальность, в то время как в действительности чуть ли не во всех сферах социального бытия фактически утвердилось тотальное насилие.

Именно такую систему мы именовали социализмом и в большинстве своем были свято убеждены в правильности как самой этой системы, так и нашего ее понимания. Со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая борьбу с «загнивающим» империализмом...

Теоретическое и идеологическое противостояние социализма и империализма впитано нами едва ли не с молоком матери. Оно во многом обусловило и реальное противостояние двух мировых систем, и разорительную гонку вооружений между ними, подведшую человечество к порогу самоистребления. При этом надо признать, что подавляющее большинство советских людей до недавнего времени были совершенно и искренне уверены в том, что социализм, будучи ступенью более высокоорганизованной формации, нежели капитализм вместе с его империалистической стадией, являет собой образец и более прогрессивного общественно-политического устройства, обеспечивающего преимущества в социальной защищенности людей, справедливости в свободе. Все сложности нашего бытия воспринимались либо как неизбежная плата за участь «первопроходцев», либо как столь же неизбежные трудности роста, либо, наконец, как следствие происков «империалистических врагов». По другую сторону идеологических баррикад думали, естественно, прямо противоположным образом, но в целом безоговорочно принимали сам тезис о коренных и принципиальных различиях двух мировых систем.

Перестройка позволила прямо и непредвзято взглянуть на многие факты, реалии жизни сегодняшних социалистического и капиталистического обществ. И сравнение — по большому счету — едва ли не по всем критериям оказалось не в нашу пользу.

Это вызвало шок в общественном сознании. Потрясение испытала и марксистско-ленинская социальная доктрина, как мы ее мыслили, где чуть ли не все оказалось перевернуто с ног на голову или поставлено под вопрос. Своеобразным отражением этого потрясения стали многочисленные споры в научных кругах и в печати, концентрирующиеся вокруг немногих, по принципиально для нас значимых проблем: не ошиблись ли мы в вашем социалистическом выборе? Надо ли сохранять социализм в нашей стране?

С одной стороны гремит: «Не могу поступиться принципами!», а с другой — «Хороши ли наши принципы?». Но вот что интересно: во всех случаях либо раболепные панегирики, либо критически-нигилистические стрелы адресуются тому социализму, который мы привыкли себе представлять под этим термином (т. е. все той же начальной ступени коммунизма, возникающей исключительно в результате социалистической революции, диктатуры пролетариата), и всему, что связано с нашей практикой.

Спору нет: подобное видение социализма восходит к Марксу (так же

как наше понимание империализма — к Ленину). Но не будем забывать: марксизм — не догма! А на каких позициях оказались мы?

Вдумаемся: по какому поводу полыхает сейчас идейный бой между коммунистами и демократами в нашей стране? Позиция первых состоит, коротко говоря, в признании так понимаемого «социализма» при всех условиях и обстоятельствах более передовым и прогрессивным строем, нежели капитализм; отсюда вытекает стратегическая задача — избавить наш социализм от прошлых ошибок, уродливых наслоений и преступных деформаций, видоизменить, преобразовать его и на этой основе добиться того, чтобы он смог, наконец, реализовать и наглядно продемонстрировать все свои неисчислимые преимущества перед капитализмом.

Точка зрения вторых сводится преимущественно к констатации того, что сама идея так же понимаемого «социализма» себя не оправдала, что грандиозный социальный эксперимент, реализованный в нашей стране коммунистами согласно марксистско-ленинской социальной доктрине, провалился, принес нечислимые беды и страдания народу, и дело теперь состоит в том, чтобы вернуться к капитализму, напроочь отбросив обанкротившийся «социализм».

Подчеркнем еще раз: в обоих случаях социализм понимается одинаково: как уравнилельно-коллективистский строй, неотрывный от тоталитаризма, авторитарности и диктатуры, задрапированных многослойной мишурой идеологических заклинаний, квазитеоретической схоластики и пропагандистских штампов. Именно этот строй желают радикально преобразовать абсолютное большинство коммунистов, и именно против него в принципе выступают демократы.

Но позвольте, ведь в таком случае получается, что сам спор теряет какой бы то ни было содержательный смысл! Если те и другие не приемлют того «социализма», который у нас имел место, то по поводу чего, собственно говоря, ломаются копья? Видимо, надо посмотреть, какой же строй реально видится сейчас коммунистам и демократам в качестве идеального для нашей страны на современном этапе, а уж потом подумать, можно этот строй назвать социализмом или нельзя. Но для того чтобы ответить на первый вопрос, надо хотя бы вскользь взглянуть еще раз на реалии нашего и цивилизованных обществ. Ответственный политик, к какой бы партии он ни принадлежал, обязан в первую очередь видеть именно эти реалии, объективные общественные тенденции и противоречия, и лишь затем интерпретировать их с точки зрения милой его сердцу теории.

Все дело в том, что фактическая бессодержательность полемики между коммунистами и демократами, вызвавшей практический раскол между ними, не делает этот раскол менее опасным. История знает, какие именно политические силы могут прийти к власти на волне взаимоизнуряющего противоборства коммунистов и демократов. Вспомним «культурную», «цивилизованную», «европейскую» Германию 33-го...

Каковы же социальные реалии?

Начнем с того, что обобществление собственности на средства производства оказалось отнюдь не панацеей от отчуждения и эксплуатации. Наш собственный опыт продемонстрировал это со всей определенностью. Выяснилось, в частности, что в подобном случае может произойти просто замена субъекта эксплуатации, в роли которого способен выступать административно-управленческий, государственный, военный или партийный аппарат. Следовательно, могут сохраняться и социальные антагонизмы. Не в последнюю очередь поэтому мы заговорили сейчас о необходимости разгосударствления и приватизации собственности.

Можно назвать это возрождением или обновлением социализма, а можно и отказом от него. Суть дела не изменится.

С другой стороны, как известно, при империализме идет обратный процесс — постепенное обобществление собственности на средства производства, так что думать, будто там до сих пор сохранились классово-антагонистические противоречия между пролетариатом и буржуазией и первый есть могильщик второй, уже не приходится. Можно, видимо, говорить в данном случае о том, что капитализм меняет свою природу, свою сущность, а можно и о том, что он самосовершенствуется. Содержание объективных социальных процессов от наших словесных оценок и в этом случае не зависит.

Факт состоит в том, что под давлением объективных социальных условий и законов, нравится нам это или нет, и социализм, и капитализм в их современном варианте предполагают плюрализм форм собственности, причем абсолютизация, гиперболизация любой из них крайне опасна. Что ж, Маркс ведь когда-то обнаружил, что формы собственности должны не выдумываться из головы, а соответствовать характеру и уровню развития производительных сил. Кто виноват, что мы презрели этот закон?! Теперь эволюционируем потихоньку навстречу капитализму.

То же самое можно утверждать относительно планирования государством развития экономики. Наш опыт выявил, что тотальное государственное планирование — еще не гарант от спадов производства, с чем мы не раз сталкивались в прошлом и с чем в очередной и почти трагический раз имеем дело теперь. Не случайно появилась у нас идея перехода к рыночной экономике, которая в свое время была категорически отвергнута. Интерпретируйте это как угодно — как совершенствование или разрушение социализма, — но бесспорно, что такой переход стал для нас объективной необходимостью. Капитализм же, не отказываясь от рыночных отношений с их механизмами саморегуляции и экономическими императивами типа цен, стоимостей, денег, процентных ставок, прибылей и т. п., как известно, отнюдь не исключает сейчас и весьма существенных возможностей централизованного регулирования экономики посредством государственных заказов и контроля над мерой производства, труда, распределения, потребления и доходов. Таким образом, и в данной области грани различий между социализмом и капитализмом объективно стираются.

Сказанное относится практически ко всем сферам социальной жизни двух мировых систем. И там и там — многопартийность, парламентаризм, свои, во многом общие, противоречия, и там и там — декларации о приоритете прав человека по отношению ко всем прочим социальным ценностям.

Но если это так, то в чем же вообще состоит принципиальное отличие социализма от капитализма, отличие, стоившее человечеству стольких жертв и расколовшее сегодня в нашей стране коммунистов и демократов на два враждующих лагеря?

Получается, что ни в чем.

Жизнь остается жизнью, каноны — канонами

Обе стороны (и коммунисты, и демократы) сегодня в большинстве своем не замечают, что теоретические баталии между ними все более и более приобретают характер спора о словах, дискуссии о понятиях. Если не брать в расчет крайних ортодоксов из лагеря коммунистов (типа лидеров группы «Единство» или ЦК КП РСФСР), то нельзя не видеть, что и те и другие, в сущности, согласны, что на современном этапе развитая цивилизации необходимы экономическая многоукладность и плюрализм

форм собственности. В цивилизованных странах это уже есть; мы -к этому переходим.

Не вызывают серьезных возражений у большинства ни тех ни (тем более) других идеи многопартийности и парламентаризма. Это не удивительно. Понятно, что признание многоукладности экономики с неизбежностью влечет за собой признание многопартийности, а следовательно, и парламентаризма со всеми его аксессуарами, как-то: правящее большинство, противостоящая ему официальная и культурная в политическом смысле оппозиция, которая контролирует и критикует решения большинства, разрабатывает свои альтернативные варианты подобных решений и предлагает их общественности благодаря свободной и независимой прессе, отсутствию политической цензуры и т. п. Иными словами, речь идет опять-таки о вещах, обыденных для цивилизованного мира и признаваемых ныне большинством коммунистов и демократами в нашей стране.

Далее. И коммунисты (кроме все тех же ортодоксов), и демократы признают сегодня такие нормы жизни современной цивилизации, как приоритет общечеловеческих ценностей, свободу слова, печати, союзов, совести, права человека и полное равенство людей независимо от их пола, расы, национальной принадлежности, вероисповедания, социального положения.

Так о чем же в таком случае идет дискуссия? Да о том, считать ли тот строй, который мы сейчас пытаемся создать и который ничем в принципе не отличается от капитализма, именно социализмом. Считать ли, что именно он есть результат нашего «социалистического выбора», коему мы обязаны хранить верность, или отступление от этого «выбора»? Продолжать ли преклонение перед Марксом и Лениным, осветившими нам путь в будущее, или, пока не поздно, отряхнуть прах этого учения с наших ног? Между социальной реальностью и нашим закомплексованным, заидеологизированным сознанием глухой стеной встала своеобразная магия понятий. Завороженные этой магией, этой почти первобытной фетишизацией вербальных формул, мы зачастую не в силах пробиться сквозь частоклосковавших наше мировоззрение идеологических постулатов к реальной жизни, такой как она есть, как она в действительности существует и развивается, совершенно независимо от нежно любимых или ненавидимых нами теоретических канонов. Жизнь остается жизнью, а каноны — канонами. И последние оказались довлеющими в мысли и коммунистов, и демократов. Ведь и те и другие, как говорилось, понимают под социализмом, по сути, одно и то же: тот «социализм», который мы у себя создали. И те и другие в большинстве жаждут преобразовать его. И те и другие в массе своей примерно одинаково представляют себе направления этого преобразования.

Казалось бы, за чем дело стало? Засучите рукава и начинайте реальные перемены во благо измученного нашего народа! Начинайте совместно, пока инициативу у вас не перехватили силы, которые президент СССР именуется довольно дипломатично: «Силы с коричневым оттенком». Случись такое — уже никто ломаного гроша не даст за наше будущее...

Л может быть, дело в самом марксизме?

Коммунисты — горой за марксизм. За нашу верность марксистским принципам. За наш «социалистический выбор». Демократы видят в марксизме в лучшем случае утопию, попытка воплотить которую довела нас до катастрофы.

Но марксизм ли виновен в том, что у нас до сих пор не текут молочные реки в кисельных берегах? Ведь парадокс исторической ситуации состоит в том, что мы реально марксизму никогда не следовали! Более

того, мы с поразительной дотошностью и последовательностью нарушили все основные законы, открытые Марксом. Поэтому нам просто-напросто не от чего отказываться. И нечему хранить верность. Вместо социальной реальности у нас и здесь оказались... слова. Все та же магия понятий.

Со школьных лет известно: Маркс открыл три основных общесоциальных закона.

Первый: формы собственности на средства производства должны зависеть от характера и уровня развития производительных сил, соответствовать им.

Второй: общественное сознание должно соответствовать общественному бытию, т. е. реальной жизни, которой живет данное общество.

Третий: надстройка, т. е. политическая и правовая системы общества, должна соответствовать его базису, его производственным отношениям, или, другими словами, в конечном счете тем же формам собственности.

Используя знание этих законов в качестве методологии анализа социальной жизни середины XIX в., Маркс пришел к известным выводам относительно социалистической революции и диктатуры пролетариата, относительно социализма вообще. Используя знание этих же законов в том же качестве применительно к концу XIX в., Ленин пришел к известным заключениям относительно империализма.

На дворе конец XX в., вместившего в себя поразительные по масштабам качественные изменения всей мировой цивилизации. Мы же, заиклившись на выводах и заключениях из марксистско-ленинского учения, сделанных применительно к временам полуторавековой или вековой давности, перетащили их в сегодня. И ныне либо клянемся им в верности, либо проклинаем их со всех амвонов. Забывая о том, что это — только выводы и заключения.

Следование последним привело нас к нарушению основных общесоциальных законов. Что, естественно, и вызвало катастрофу.

Мы начали с того, что нарушили самый основной и исходный закон: ввели общегосударственную форму собственности чуть ли не на все средства производства, когда эти средства по уровню своего развития и характеру использования еще и близко не достигли соответствующего состояния. Мы нарушили и закон соответствия сознания бытию, вообразив, будто наше «социалистическое» общественное сознание, постоянно подкрепляемое «коммунистическим» воспитанием, само изменит наше бытие. И наконец, перестройку мы озаменовали тем, что, не приведя дела в соответствие с первыми двумя законами, нарушили третий: закон соответствия надстройки базису. На монолитном экономическом базисе у нас стала бурно произрастать плюралистическая политическая надстройка, органически не способная эффективно функционировать в подобных условиях.

И только сейчас мы, кажется, начинаем понимать, что сотворили что-то не то. Известно, что законы истории — это законы-тенденции. Другими словами, они не однозначны, допускают различные варианты реализации, определяют лишь общий ход исторического процесса, его самое общее направление. И это означает, что данные законы вовсе не обязаны реализовываться только так, как это предсказывали Маркс и Ленин. Мы же почему-то вообразили, что их реализация будет именно и только таковой. Совершенно утратив способность видеть за магией слов историческую реальность, мы оказались на обочине цивилизованного мира.

Что же такое социализм?

Как уже ясно, социализм не есть первая ступень коммунистической общественно-экономической формации. Точно так же, впрочем, как империализм не есть высшая и последняя стадия капитализма.

История пошла иными путями, и если кто-то этого до сих пор не видит, то ему можно только посочувствовать.

Существующие сегодня «социализм» и «капитализм» не имеют и не могут иметь между собой принципиальных различий. Само их противопоставление приобретает ныне преимущественно эмоционально-оценочный, понятийно-идеологический, а не содержательный, не реально-практический характер. Нет на самом деле, в реальности ни «капитализма», ни «социализма». Нет и «двух мировых систем». Само учение о них в нынешних условиях — грандиозная мистификация. Л что же есть? Что же существует?

Существует **переходное состояние** общества от одной формации к другой, в данном случае от классического капитализма, ушедшего в прошлое, в небытие, к классическому коммунизму, скрывающемуся в неоглядной дали грядущего. В разных странах это состояние различно и соответствует их неповторимой социально-политической, идеологической и экономической конкретике. Но от этого суть дела не меняется. Во всех случаях это — именно переходный этап, своего рода **межформационное состояние развивающегося общества**, как таковое не имеющее и не могущее иметь своих собственных формационных признаков или характеристик. Оно просто как бы совмещает в себе признаки прошлой и будущей формаций с постепенным нарастанием последних; а на данном этапе это — многоукладная экономика, плюрализм собственности и партийно-политической жизни, юридическое равенство граждан, всемирно признанные свободы и права человека, правовое государство и т. д.

Этот этап может проходить через революцию — наш собственный опыт, как бы к нему ни относиться, это показал. Он может проходить и без революции — опыт большинства цивилизованных государств демонстрирует нам именно такой вариант. Но все мы, прошедшие стадию классического капитализма, находимся сейчас **на одном и том же этапе!** Он охватывает ныне все развитые страны мира при всех их кажущихся принципиальных отличиях друг от друга. Существует не «две мировые системы», а одна. Идеологическая слепота, магия понятий едва не привели эту систему к самоубийству. Тем более важно научиться видеть сейчас социальную реальность, как она есть.

Таким образом, прежнее хрестоматийное понимание социализма (результат «социалистической революции», «социалистического выбора», «диктатуры пролетариата» и т. п.) есть не более чем заблуждение, идеологическая и политическая фикция. К слову сказать, с точки зрения общесоциологических законов, открытых Марксом, толковать о каком-то «социалистическом выборе» и верности ему вообще некорректно. Есть законы, и именно они определяют общее направление социального прогресса. Не люди выбирают себе формации; формации наступают, когда этого требуют законы. Говорить, будто мы совершили «социалистический выбор», все равно что утверждать, будто люди эпохи родового строя, скажем, совершили «рабовладельческий выбор». И долго хранили ему верность. Некорректность подобной постановки вопроса бьет в глаза. Уж если мы и сделали действительно какой-то выбор, то лишь выбор конкретного способа своего развития уже в рамках социализма как общей тенденции. К этому способу можно относиться по-разному — тем более что история, как модно теперь говорить, не знает сослагательного наклонения, и невозможно сказать, что произошло бы у нас, если бы революция не состоялась. Но для начала надо точно представить себе, как минимум, о каком выборе идет речь.

Итак, что же такое социализм?

Да просто стадия перехода от капитализма к коммунизму. Только и всего. И нелепо преклоняться перед ним, как нелепо и проклинать его.

Конечно, этот этап можно назвать и по-другому. Но это уже дело вкуса. В рамках марксистской социальной доктрины его, конечно, удобнее называть именно социализмом, поскольку это понятие наиболее точно указывает направление исторического развития, как его толкуют марксисты, но принципиального значения это не имеет. Важно, чтобы понятия не заслоняли социальную реальность. Слишком многим пожертвовали мы магии понятий, чтобы позволить ей морочить нас и дальше. Не стоит и дальше возлагать на идеологические алтари словесные пустышки и пропагандистскую лозунговщину. Жизнь показала: это небезопасно!

* * *

Вот и подошло время ответить на крамольный вопрос И. Дискаина: возможен ли сегодня социализм в СССР?

Ну конечно, возможен! Точнее, он у нас давно наличествует. Еще до Октябрьской революции он у нас уже был. И сейчас есть. И очень долго еще будет.

Иной вопрос: **какой конкретно** социализм у нас есть и должен быть?

И тут придется вернуться к другому приоритету, возникшему в истории мировой социалистической и коммунистической мысли: к приоритету абсолютной ценности, точнее, даже самоценности конкретного живого человека, индивида, личности. Помните: «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех»? Но не наоборот!

Максимально мыслимое и возможное раскрепощение человека, освобождение всех его творческих и созидательных потенций на благо всех, а тем самым и на его собственное благо — таков один из основополагающих критериев мирового прогресса. И вряд ли кто-нибудь рискнет отрицать, что он со всей отчетливостью проявляется в истории: от почти полной несвободы первобытного человека к ущербной и неравнозначной несвободе рабовладения, к сословной иерархической несвободе феодализма, к юридическому равенству капитализма, к правам человека и социальной защищенности личности при социализме.

Таким, очевидно, и должен быть наш социализм.

© К. Зачесов, А. Магомедов, 1991